

С двумя двоюродными братьями Ван Шици чувствовал себя спокойнее, но, несмотря на тщательный обход всех уголков усадьбы, они так и не нашли Ван Чунжэня.

— Странно, куда мог уйти отец в такое время? — Ван Шици начал беспокоиться, и в его душе зародилось тревожное предчувствие. Лицо его побледнело.

Яфэй, подняв голову, слегка сморщил нос:

— Ненавижу запах убийства.

Цан Юань тихо вздохнул:

— Давай уйдём отсюда.

Эти грязные и подлые смертные вызывали у него отвращение.

— Не уйду. Уходи сам, если хочешь.

[Цан Юань: ...]

Усадьба была обширной. Помимо главного двора, где проходил банкет, внутри находились ещё один главный двор и два дополнительных. Главный двор использовался для отдыха семьи, а старый господин Ван жил там постоянно. Дополнительные дворы обычно предназначались для гостей.

— Может, старший дядя ушёл в главный двор? — предположил Ван Шиюнь. — Здесь всё в хаосе, возможно, он пошёл туда по какому-то делу.

Ван Шици, глядя на метель, полностью изолировавшую усадьбу от внешнего мира, покачал головой:

— Нет, вы же знаете, что у отца проблемы с ногами. Даже если бы он захотел пойти туда, он бы не пошёл один.

Он не был одним из героев Зелёной Сосны. Будучи учёным, Ван Чунжэнь не стал бы рисковать в такую погоду. Да и тело старого господина Вана всё ещё находилось в зале, так что он вряд ли бы ушёл.

Ван Шиюнь и Ван Шихуй переглянулись, наконец поняв, что имел в виду Ван Шици.

— ...Не может быть. Старший дядя не связан с миром боевых искусств.

Именно так. Хотя старый господин Ван был пожилым, он всё же был мастером боевых искусств, и у него могли быть враги. Поэтому, несмотря на ужасную смерть старого господина,

все думали о мести со стороны врагов. Но Ван Чунжэнь? Он не имел отношения к миру боевых искусств, был дипломатичным и редко с кем ссорился. На посту судьи города Ло он прослужил почти десять лет, не совершая ни ошибок, ни выдающихся поступков. Он не был ни ненавистным чиновником, ни человеком, привлекающим внимание своими заслугами.

Казалось бы, он не должен был стать жертвой, как его отец. Но Ван Шици был в панике. Сегодняшние события стали для него настоящим ударом. Не только смерть деда, но и эта метель, которая никак не вписывалась в его воспоминания, лишили его обычной уверенности.

Однако он всё ещё надеялся на лучшее и быстро отправился к своему дяде Ван Чуни, попросив слуг обыскать главный двор. Но и там они ничего не нашли.

— Шици, не паникуй. Сейчас метель перекрыла гору, и кто бы ни похитил старшего брата, он далеко не уйдёт. Он всё ещё в усадьбе, — мрачно сказал Ван Чуни.

Ван Чунли задумался:

— Давайте соберём несколько доверенных друзей и обыщем всю усадьбу. Также нужно проверить банкетный зал, чтобы узнать, не пропал ли кто-то.

У братьев, долгое время путешествовавших по миру боевых искусств, было много друзей, и сейчас, оказавшись в усадьбе, они сразу же вызвались помочь. Даже Се Ваньцзун и Чжан Чжаочунь, находившиеся в зале, присоединились к поискам.

— Пожалуйста, найдите моего старшего брата!

Те, кто остался в банкетном зале, чувствовали себя некомфортно под пристальными взглядами, и некоторые начали роптать. Ван Чунчжи лично начал проверять список гостей, спрашивая, не пропал ли кто-то из присутствующих.

Яфэй продолжал смотреть в окно. За короткое время снег накопился в огромных количествах.

— Господин Ли, — обратился к нему Ван Чунчжи, хотя раньше презирал льстивое поведение Ван Чунжэня, но всё же проявлял уважение к Яфэю, — все ваши слуги здесь?

— Они в боковом зале. Можете сами проверить, — равнодушно ответил Яфэй.

Его люди точно не могли пропасть.

Ван Чунчжи отправился проверить и, пересчитав всех, смущённо сказал:

— Кажется, кого-то не хватает, но вроде бы все на месте.

— Пятый господин, все слуги и лошади на месте. Две служанки, которых привёз господин Ли, тоже здесь. Никто не пропал.

Ван Чунчжи кивнул и продолжил проверку других гостей.

...И Ван Чунчжи, и его помощник с отличной памятью полностью забыли о существовании Цан Юаня, хотя они видели его у входа.

Они быстро проверили всех в зале.

— Монах из Храма Воздаяния за Доброту пропал! — мрачно сообщил Ван Чунчжи.

Яфэй заметил, что монах Хуэй Сюй действительно исчез. Раньше он был в зале, а теперь его нигде не было видно.

Это был самый заметный пропавший, но в зале также не хватало нескольких мастеров боевых искусств. По словам остальных, они были малознакомыми гостями, приехавшими на празднование. Возможно, они были ворами, проникшими в усадьбу, но теперь, когда в семье Ван произошла трагедия, они могли скрыться.

Вместе с Хуэй Сюем в зале отсутствовало шесть человек.

В этот момент почти все услышали душераздирающий крик, доносящийся издалека. Крик был наполнен такой болью и отчаянием, что заставил всех содрогнуться.

Лицо Ван Чунчжи исказилось. Хотя голос был едва слышен из-за расстояния и мук, он сразу понял, что это крик его старшего брата.

Мэн Хайпин вздохнул, тихо сказав Мэн Чжичжоу:

— Учитель, я же говорил, что сюда не стоило приходить. Это место полно неприятностей, а теперь мы и уйти не можем.

Метель перекрыла гору, и никто не мог покинуть усадьбу.

Мэн Чжичжоу, стараясь сохранить спокойствие, ответил:

— Мы не могли знать, что с семьёй Ван произойдёт такая беда.

Он всё же чувствовал себя неуверенно. Школа Озерного Меча всегда была мирным местом, и даже Мэн Чжичжоу за всю свою жизнь редко видел смерть, а уж такую ужасную — точно никогда.

Ван Чунчжи уже бежал к выходу, и многие мастера боевых искусств последовали за ним, чтобы узнать, что произошло.

Ситуация становилась всё более пугающей, и большинство людей предпочли остаться вместе, чтобы чувствовать себя в безопасности.

Даже те, кто обычно гордился своими боевыми навыками, теперь выглядели как дети, боящиеся оставаться одни.

Бао Лин поспешила к Яфэю, чтобы поддержать над ним зонтик. Цан Юань холодно взглянул на неё, и внезапно метель прекратилась. Вечерний свет заката осветил снег, придавая ему холодный блеск.

Если внезапный снегопад вызвал удивление, то его столь же внезапное прекращение вызвало ещё большее недоумение.

Мэн Хайпин подумал: «Может быть, это не просто мир боевых искусств, а мир, где можно стать бессмертным?»

Не исключено. Мэн Хайпин знал, что Великая Гань была лишь маленькой частью восточного региона этого мира. Эти сведения он почерпнул из записей основателя Школы Озерного Меча, передававшихся из поколения в поколение.

В записях говорилось, что Великая Гань была почти изолирована от остального мира из-за гор Дунчжэнь и обширного Восточного моря. Основатель сожалел, что так и не смог увидеть большего.

Мэн Хайпин не был уроженцем Великой Гань. Он знал, как должна выглядеть полная карта мира, а также слышал легенды о том, что за горами Дунчжэнь начинается настоящий мир.

Он начал подозревать, что мир боевых искусств, в котором он находился, был лишь малой частью чего-то большего.

— Снег прекратился. Может, мы сможем уйти?

<http://bllate.org/book/15417/1371397>